

Изолятор

Елизавета Коротких

12+

Елизавета Коротких

Изолятор

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коротких Е. К.

Изолятор / Е. К. Коротких — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Изолятор» - сборник необычных рассказов, которые переносят читателя в экзотические миры. Действие происходит то в загадочном Иране, то в далёкой Канаде, а иногда - в чьём-то подсознании... Герои этих коротеньких историй сталкиваются с жизненными трудностями, которые значительно меняют их мировосприятие. Удивительная образность поражает воображение, превращая чтение в приятную медитацию.

Содержание

Изолятор	5
Карма	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Изолятор

Во время эпидемии я оставался в изоляторе. Это было огромное многоэтажное здание, рассчитанное на восемь миллиардов человек. Оно вмещало в себя все государства, города, отели, рестораны, университеты, правительственные учреждения и многое другое. Разные сооружения походили на маленькие ячейки, соединялись друг с другом длинными витиеватыми коридорами, поражавшими своей мрачностью, грязью и страшными стенами. Где-то были приятные и чистые коридоры, и как-то раз мне удалось пройти по одному из них. Удивительно, но они появлялись крайне редко, а некоторые люди даже не верили в их существование. Но сейчас я уже не мог свободно передвигаться и гулять по изолятору...

Раньше я бродил по длинным тёмным коридорам, которые вели меня в классные комнаты, в школу, в университет, в магазины, в искусственно созданные парки и так далее. Как ни странно, само расположение всех этих комнат всегда менялось. Сначала мою квартиру и школу соединял короткий, но неприятный коридор с грубыми надписями на стенах. А чтобы попасть в университет, приходилось идти сложными и запутанными путями. Но стоило мне стать студентом, как всё изменилось. Теперь до нужной аудитории я доходил за считанные минуты, а школа совсем исчезла на моём пути. Так происходило со многими помещениями. Чем нужнее мне было то или иное место, тем ближе оказывалась дверь...

Но пару дней назад нам запретили выходить из своих квартир. Всему виной был смертельно опасный вирус, быстро распространившийся среди населения. Каждый день в разных частях нашего дома появлялись десятки тысяч новых заражённых, которых тут же изолировали. В целях безопасности было решено ограничить передвижение каждого человека, живущего в этом изоляторе. Мне было разрешено находиться в своей квартире и ещё в двух маленьких комнатках.

Во время карантина я рисовал на стене. Многие, наверное, лишь с недоумением бы пожалели плечами, узнав о моём занятии. Однокурсники бы посмеялись и удивились. Родителям тоже было не совсем понятно моё увлечение. Единственное, о чём они мечтали, так это о том, чтобы я поскорее нашёл работу и съехал от них.

Но я рисовал. Эта стена была завешена толстым ковром советских времён. С детства я иногда записывал или изображал что-то на ней в тайне от родителей. Как-то раз они узнали о моих проделках и чуть не выгнали меня из дома. Однако мои скрытые записи и рисунки уже нельзя было смыть, стереть или как-то убрать, поэтому вскоре маме и папе пришлось закрыть глаза на моё творчество. А я, ободрённый их равнодушием, продолжал украшать место, в котором жил.

Иногда я писал на стене всё, что меня мучило, освобождаясь от негативной энергии. Я мог изобразить своего обидчика в смешном, даже нелепом виде, и мне становилось легче. Или после неприятной ситуации я оставлял какой-нибудь знак, и все дурные мысли, наполнявшие мой мозг, покидали меня как по мановению волшебной палочки.

На стене я пытался запечатлеть и счастливые моменты своей жизни. Но их было намного меньше, потому что счастье никогда не хочется отпускать. К тому же, люди, окрылённые удачей и везением, далеко не всегда нуждаются в самовыражении.

Одним словом, эта стена была отражением моей души. Именно здесь был настоящий я. Здесь я чувствовал себя действительно свободным и счастливым.

Итак, в эти карантинные дни я рисовал пейзаж. Это был вид из ресторана персидской национальной кухни, который называют в Иране софреханэ. В таких заведениях обычно нет стола и стульев, а вместо них поставлены тахты. Тахта – что-то вроде большого плоского дивана без подлокотников, на котором разбросаны мягкие подушки. Различные блюда и напитки

обычно ставят на его гладкую поверхность. Иранцы считают, что такое положение во время еды улучшает пищеварение. Но вернёмся к пейзажу.

Когда-то я видел во сне удивительно живописное местечко на севере Тегерана. Оно называлось Дарбанд. Это была небольшая гористая местность с блестящими журчащими водопадами, вычурными софреханэ, напоминающими самобытные произведения искусства, с лавочками экзотических фруктов и пряностей. В таком укромном уголке можно было найти много других восточных диковин.

На стене, однако, выходило не совсем так, как в моём воображении, но меня это не останавливало. Я любил каждую деталь, хоть и непродуманную. Каждую краску, хоть и не передающую настоящий цвет многоликого востока. Каждый штрих, хоть и нечёткий.

Однако не успел я одарить картину последними мазками, как вдруг она начала резко увеличиваться. Моё крошечное творение стало расползаться так быстро, что за считанные секунды оно заполонило собой всю стену. Теперь страшно увеличенный пейзаж сверкал пустыми не покрашенными дырами, и мне тут же бросилось в глаза всё его несовершенство. Разбросанные краски, неуместные тени, аляповатые, немного вытянутые фигуры... Картина, как быстро разрастающаяся паутина, стала захватывать другие стены. Она даже заслонила собой окно, и неожиданно я оказался в замкнутом кругу. Стоило мне пошевелиться, как вдруг передо мной появилась тахта, двое иранцев, отдыхающих на подушках, и безмятежно потягивающих кальян. А за ними виднелся до боли знакомый пейзаж.

Удивлённый и совершенно сбитый с толку, я протёр глаза. Но нет, это был не сон. Моя комната куда-то исчезла, а я стоял напротив тахты в открытом софрехане, впервые ощущая лёгкое дуновение ветра. Как же свеж и приятен был горный воздух! Ведь никогда в жизни у меня не было возможности дышать... Только спёртый воздух в душевных комнатах, лабиринтах, коридорах всегда окружал меня. А тут... От этой невероятной чистоты и свежести у меня чуть не закружилась голова. Тяжело было с непривычки, но в то же время так хотелось дышать! Да и всё это безграничное пространство... так странно его было ощущать после стольких лет, прожитых взаперти...

Вдруг меня окликнули по имени. Я обернулся и с удивлением увидел, как двое иранцев помахали мне руками. Когда я подошёл к ним, они вежливо поприветствовали меня и предложили сесть за их столик.

Один из персов был стройным молодым парнем с ярким блеском в тёмных глазах и ухоженными чёрными волосами. Другой был мужчиной преклонного возраста со стриженной, слегка поседевшей бородой и большим животом. На толстых пальцах пожилого иранца сверкали кольца с драгоценными камнями. Большой красный рубин ярко вырисовывался на левой руке.

– А вы из изолятора? – спросил у меня молодой иранец.

– Да, – ответил я. – Вы разве тоже знаете о нём?

– Конечно, о нём все знают, – усмехнулся пожилой.

К нам подошёл официант. Мне не хотелось ужинать кебабом, тогда персы посоветовали заказать горме сабзи. Это специфическое иранское блюдо, которое состоит из риса и подливки из бобов, овощей и красного мяса, которая подаётся в отдельном горшочке. Недолго думая, я сделал заказ.

– Так вот, на чём мы остановились? – лениво закурил кальян пожилой иранец.

– На людях, – ответил молодой. – Которые позволили себе сами запереться в изоляторе. Разве не так? – вдруг обернулся он ко мне.

Я лишь растерянно пожал плечами. Что он имеет в виду?

– Это долгий и сложный разговор, – покачал головой пожилой. – Тем более, что этот изолятор никогда не кончится.

– Почему? – спросил молодой. – Разве история не делает людей лучше? Не учит их чему-то?

– Нет, точно нет, – ответил пожилой. – Хорошие люди, конечно, встречаются, но ими часто манипулируют. Они нужны этому миру, чтобы унижаться и выполнять чужие прихоти. А так, всё построено на личной выгоде, алчности и жажде наживы. Сами всё прекрасно понимаете.

– Но если каждый человек искоренит в себе всю гадость, которая в нём накапливается с годами, будет чист душой и разумом, то тогда изолятор развалится и все станут свободными. Это очевидно.

– Такое никогда не произойдёт, – ответил пожилой мужчина, чуть усмехнувшись. – Это простая утопия.

– Но человечеству же надо куда-то идти, – задумчиво проговорил молодой перс. – К чему-то высшему. К духовному совершенству...

– Это всё глупости, – махнул рукой пожилой. – Человеку нравится быть хитрым и ловким рабом. Рабом, который себя обманывает и внушает себе, что он господин. И вы спрашиваете, что нас ждёт в будущем? Рабство, сплошное рабство! Продолжится рабство от технологий, от стереотипов, а потом от искусственного интеллекта. Людьюми станет ещё легче манипулировать. А ресурсы вскоре закончатся и всё.

Мне принесли горме сабзи в аккуратном горшочке. Блюдо действительно оказалось вкусным, а эта подливка даже превзошла все мои ожидания. Я с аппетитом уплетал это замысловатое кушание, слушая журчащие персидские речи.

– Всё-таки вы очень пессимистичны, – вздохнул молодой. – А если у меня есть идея? Я всегда мечтал остановить войны. Везде. И всякое межгосударственное давление. Пусть хотя бы верхушки всех стран по-настоящему объединятся, чтобы решить глобальные проблемы. Ведь в условиях тесного мира у нас столько возможностей стать наконец братьями! И какие у нас теперь проблемы! Самое время объединиться во имя общих целей, во имя разработки вакцины против вируса, развития науки, решения экологических проблем! Ведь их так много сейчас... Эпидемия – разве не повод объединиться всем государствам и совместными усилиями разработать, наконец, вакцину, а не устраивать соревнования в этой области? К чему эти торговые войны и санкции? Зачем? Сейчас прекрасное время для проявления человечности. Это великолепная возможность пересмотреть всю экономику мира и избавить многих от бесполезного рабства и нищеты. От глупого политического давления и отупляющей пропаганды. От всего ненужного, что есть на Земле.

Но почему люди придумали проблему дорогих лекарств? Вообще, к чему теперь эта жажда наживы? Разве непонятно, что гармония Вселенной нарушена? Поймите меня правильно, единственное, чего я хочу, так это восстановить её. Исправить деятельность ненасытного человека. Сделать её более умеренной, разумной, действительно развивающей. На мой взгляд, мы должны стремиться к тому, чтобы каждый мог позволить заниматься тем, чем пожелает. Это был бы мир свободных творческих людей, которые бы забыли, что такое вражда. Особое внимание я бы уделил экологии, науке, космическим разработкам и медицине. А эти новые модели гаджетов или планы внедрить искусственный интеллект здоровым людям – зачем?

Молодой иранец перевёл дух. Водопад всё также журчал, но звуков воды почти не было слышно. Голоса окружающих звучали приглушённо, сливаясь с торжественной тишиной. Казалось, весь мир остановился, чтобы послушать искреннюю речь молодого иранца. В его глазах светился живой огонь. Неведомое чувство восторга вновь охватило его, и он продолжил:

– Я не против разных религий и культур. Они украшают наш мир, делают его таким интересным и разнообразным. Единственное, все культуры и религии должны существовать в мире и согласии. И это действительно возможно, если найти подход к каждому человеку, к каждой стране. Конечно, придётся много работать, чтобы достичь этого идеала. Но если каж-

дый будет работать над своими моральными качествами, над духовностью, всё окажется так просто. Люди будут уважать по-настоящему достойных и великих, основываясь на их личных качествах, а не тех, у кого много денег. Деньги будут чем-то второстепенным, и героями будущего станут духовно чистые люди. Угнетающий изолятор исчезнет и все вздохнут свободно от рабства, давления и пропаганды. А зачем эти войны? Лучше же тратить деньги на действительно важные вещи, а не на вооружённые конфликты... Эра войн и массовых убийств должна кануть в прошлое. Если говорить начистоту, они не выгодны никому, только парочке богачей, которые умело манипулируют людьми.

– Войны всегда будут, – мягко произнёс пожилой. – Людям просто станет скучно жить без них. Не на что будет смотреть, не за чем следить. И всё, что вы говорите, это утопия. Ваши идеи, как бы разумны они ни были, всё равно никому не понравятся. Все лишь посмеются над вами. Мало кто любит менять жизнь к лучшему. Так что бросьте идеализировать мир. Он такой, какой есть и тут ничего не попишешь.

– Я, – чуть захлебнулся от скрытого негодования молодой иранец, – буду бороться. Буду бороться за воплощение своих идей в жизнь. Скажите, – вдруг обратился он ко мне, – у вас в изоляторе теперь ведутся межгосударственные войны? Да всем уже не до этого! Всё меняется. Люди уже переборщили, а душа мира требует гармонии. И этот изолятор перестанет существовать...

– Извините, – вмешался я, насытившись своим любимым блюдом. – вы тоже жили в этом изоляторе?

– Да, – ответил пожилой перс, – я и сейчас там живу. Но знаете, некоторые его покидают.

– Как так? – удивился я.

– Очень просто. Это может быть любой человек. Это не зависит от пола, внешности, навыков или даже от материального положения. Ведь как говорил ваш великий поэт А. С. Пушкин, когда посещал наши края, что гениальным писателем может быть тот, кто вовсе не признан, кто ни разу не издавался. Но я отвлекаюсь. Пожалуй, люди, которые могут выходить из изолятора и видеть истинные красоты мира, просто по-другому его воспринимают. Не так, как их заставляли. Потом другие их назовут великими или же не обратят на них внимания. Но этот пропуск не вечен. Если такой человек начинает потакать своим низменным желаниям, он вновь станет рабом. И тогда в одно прекрасное утро он проснётся в изоляторе, из которого уже нельзя будет выйти...

– Но я не знал, что можно вообще покинуть этот изолятор, – удивился я. – И многие не знают.

– Потому что мы запрограммированы на рабство. Всё просто, – устало вздохнул пожилой. – А вы всё мечтаете разрушить изолятор и надеетесь, что люди наконец найдут себя в жизни, будут счастливы и свободны. Но нет. Этот изолятор будет только разрастаться. Будут строиться новые и новые корпуса, пристройки, они будут соединяться новыми многочисленными сложными коридорами... и только когда ему уже некуда будет расти, когда он подомнёт под себя всю природу, только тогда он начнёт разваливаться. Но никто не успеет насладиться свободой и свежим воздухом – наступит конец всему, что есть в мире.

Молодой перс сидел с подавленным и опустошённым видом. Интересно, он переживал из-за досадного разговора или потому, что вдруг в нём убили намерение создать свободное, духовно чистое и счастливое общество на Земле?

– Пойдёмте прогуляемся, – предложил пожилой перс. Красный рубин ярко сверкнул на его руке. – Я устал сидеть.

Вечерело. Солнце уже давно скрылось за высокими горами, окружёнными цветущей зеленью. Я стремился впустить в себя как можно больше чистого воздуха. Тихое журчание воды успокаивало слух. По узеньким извилистым тропинкам ходили колоритные иранцы. В

местных ресторанчиках зажигались огни, а рядом с прилавками и миниатюрными магазинчиками красовались яркие фонари.

Мы шли молча. Наверное, каждый из нас обдумывал этот разговор. После сытного ужина мне не очень хотелось думать, но навязчивые мысли сами лезли в голову. Действительно, почему никто не прислушивается к идее молодого человека? Почему люди всерьёз не хотят сделать свою жизнь полной, а потакают своим низменным желанием, которые их же ограничивают?

Почему они не прекращают бесполезные кровопролитные войны? А зачем воевать? Почему бы действительно нам не объединиться, чтобы создать вакцину от вируса? Почему никто не стремится развивать экологическую промышленность? Сделать её более доступной и дешёвой? Это же можем мы, люди! Почему мы не поощряем учёных, преподавателей и врачей? Всё потому, что НЕ выгодно тратить на них деньги... Да и почему вдруг деньги, войны, манипуляция и собственная глупость стали важнее лучших человеческих качеств? *И к чему нам столько всего ненужного на Земле?*

На нашем пути встретился мужчина, у которого на плече сидел разноцветный попугай. В руках у иранца были тоненькие листочки со стихотворениями Хафиза. В Иране существует традиция гадать по сборнику стихотворений этого прославленного средневекового поэта.

Молодой перс остановился перед мужчиной с попугайчиком и дал ему несколько туманов (денежная валюта в Иране). Яркая птица достала клювом первый попавшийся тонкий листок бумаги и протянула его юноше. Молодой человек молча раскрыл его и с интересом начал читать пророчество. Тогда я решил последовать его примеру и тоже получил гадание. Персидская вязь казалась такой странной и замысловатой, слова превращались в малопонятные афоризмы, буквы начинали путаться перед глазами, у меня закружилась голова...

Я очнулся в своей комнате. На стене красовался тегеранский пейзаж совсем небольшого размера. Все мои вещи были на месте. За стенкой слышались голоса родителей. Они спорили о том, как выживать дальше в условиях карантина и гнетущего безденежья.

Было слышно тихое тиканье часов. Через пять минут должна будет начаться дистанционная пара. Тяжело вздохнув, я сел за стол, чтобы включить компьютер. Вдруг я почувствовал, что держу маленькую бумажку в руке. Недолго думая, я развернул её и положил на свет. Там было написано:

«Добро пожаловать в наш многогранный мир. Теперь Вы можете покидать изолятор, когда вам будет удобно».

Карма

Они все были добры ко мне. Все до единого. Они пели и танцевали в огромном доме, угощали нас сладостями, а мы наслаждались их гостеприимством. Синие, фиолетовые и розовые тени блуждали по полу, потолку и стенам. Восточная музыка растворялась в этих красках и мелькающих лицах.

– Идём танцевать, – услышала я голос Марьям. – Не стесняйся.

Длинные силуэты двигались в ночи. Женщины снимали чёрные чадры, будто открывая свои драгоценные тайны. Они плавно двигались в танце, а мужчины кружились возле них. Некоторые стояли в стороне и наблюдали за танцующими. Кто-то мысленно выбирал себе пару для следующего танца, а кто-то просто наслаждался чарующей атмосферой закрытого востока. Подсвечники, освещавшие просторную гостиную с двух сторон, придавали месту зловещую романтику.

– Приглашаю вас на танец, – вдруг выплыл какой-то перс из тумана силуэтов.

– Спасибо, но я не танцую.

– Почему?

– Не хочется. И мне пора домой.

– Ой, да бросьте вы. Танцы – это жизнь! А переночевать и у нас можно.

– Спасибо вам большое за гостеприимство, но, увы, не могу вас обременять.

– Ну что вы! Вы нам нисколько не мешаете.

– Нет-нет, я не могу. Вы уж простите меня. Мне надо идти.

– Зря вы так... Я бы хотел, чтобы вы остались...

Его лицо было трудно разглядеть в туманной темноте, переливающейся разными оттенками. Но за его головой я увидела свет...

Неожиданно на месте подсвечника появилась женщина. У неё была бледная-бледная кожа, чёрные растрёпанные волосы и яркие тёмные губы. Её сильно накрашенные глаза яростно сверкали в полумраке, а длинное чёрное платье растворялось в огоньках свеч.

– Я человеческая карма! – крикнула она душераздирающим голосом.

Меня бросило в дрожь. Этот страшный голос эхом раздавался в моей голове и разлетался по всему телу, будто внутри меня была пустота. «Карма, карма, карма...», – звучало у меня в ушах. Я хотела убежать.

К моему удивлению, никто не обратил на женщину ни малейшего внимания, будто её и не было. Все продолжали танцевать, играла музыка, а внезапно выплывший из толпы перс продолжал мне что-то говорить.

– Вы не слышали? – перебила его я.

– Что? Кого?

Я показала в сторону подсвечника. Женщина внимательно смотрела мне прямо в глаза, а потом вдруг злорадно расхохоталась. От её жуткого смеха у меня побежали мурашки по коже.

– Где? Что? – непонимающе спрашивал иранец, глядя на подсвечник.

– Ну там женщина! Смеялась только что.

– Какая женщина?

Вдруг подсвечник с грохотом повалился на пол. Все в ужасе отпрянули, особенно те, кто стоял или танцевал поблизости. Пока он падал, все свечи, горящие на нём, моментально потухли. Остался лишь лёгкий тонкий дымок и мелкие, разбросанные по всему полу осколки. Женщина с чёрными губами исчезла.

Какие-то мгновения иранцы стояли в изумлении и смотрели на сломанный подсвечник. Осознав произошедшее, они тут же начали суетиться, паниковать и громко обвинять друг друга. Некоторые столпились вокруг осколков и начали изучать каждую деталь. Носящиеся

силуэты, полумрак, тёмные чадры, крики, всеобщее волнение, огоньки – от всего этого у меня закружилась голова. Реальность начала смешиваться с подсознательным, и меня охватила резкая слабость. Пора было уходить.

На улице мне стало лучше. Приятный свежий воздух придал новые силы. Кромешная тьма окутала большой сонный город, и лишь на горизонте мелькали разноцветные огоньки.

– Ты знаешь, где метро? – вдруг услышала я вопрос на русском.

Я удивлённо обернулась. За мной стоял молодой парень лет двадцати. Во мраке было сложно разглядеть его глаза, а черты лица слились с серой темнотой. Но он явно не был иранцем...

– Сама не знаю... – мой голос почему-то задрожал.

– Не бойся меня, я тоже был на этой вечеринке. Меня зовут Петя. А тебя?

Вглядевшись в его глаза, я поняла, что они были светлыми, а черты лица – правильными и красивыми. Мы познакомились и пошли, куда глаза глядят. Петя оказался простым туристом, не знающим даже персидского языка. Он приехал в Иран на неделю и через пару дней собирался возвращаться в Россию. На вопрос о том, как он попал на эту вечеринку, Петя лишь развёл руками:

– Ну знаешь, иранцы очень гостеприимные...

Мы долго бродили по темноте, смеясь и оживлённо разговаривая. Петя оказался приятным собеседником и своей обходительностью очень располагал к себе. Его взгляд излучал свет и доброту. В синих, как океан, глазах сверкали далёкие огоньки, и лишь изредка они покрывались чёрной пеленой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.